

И вечный бой...

размышления вслух

Нонна Орешина

... В Духе Опыт и Разум то ли от природы, то ли от Творца. Благодаря этому человек в этом мире не одинок, не брошен, не конечен!

В. Пономаренко

Прибывая к месту своего первого назначения, длинный и тощий лейтенант медицинской службы смотрел на тянущуюся за окном поезда безликую ночную степь, и так же бесконечно, уныло ползли мысли.

«Хан-Кала... — в купе заглянула проводница. — Не возитесь, мало стоим».

Деревянный настил перрона. Размытый свет фонарей тускло освещает приземистое здание вокзала, похожее на казарму.

«Ждать придется до утра. И ходит ли до гарнизона автобус?» — с тоской подумал Владимир и, подняв внезапно потяжелевший чемодан, шагнул в размытую лужицу света у входа.

«А я уж думал — не приедете!» — вынырнув из-за угла, навстречу даже не шел, а словно катился маленький, толстый, чем-то похожий на Винни-Пуха, человек. Погоны съедала темнота, но не трудно было догадаться, что это кто-то из медсанбата приехал за ним на «санитарке».

«Значит, ждали, и я здесь нужен...» — от сердца отлегло. Он улыбнулся...

Шел 1956 год.

С доктором медицинских наук, в то время еще полковником, начальником Отдела инженерной психологии НИИЦ авиационной и космической медицины Владимиром Александровичем Пономаренко я познакомилась после упорных поисков ученого, занимающегося авиационной психологией. Не столько эргономическими вопросами, сколько состоянием летчика в полете, процессом освоения сложнейшего летательного агрегата, каким является современный сверхзвуковой и всепогодный истребитель. Хотелось понять, почему при исправной технике и достаточном мастерстве летчик может допустить ошибку. И что же такое — «летный талант»? Научный взгляд специалиста на этот феномен, очевидный в небе и трудно поддающийся изучению, осмыслению его на земле.

К тому времени я уже полетала. А когда редакция газеты «Правда» предложила сделать материал о военных летчиках, попросила разрешения летать с героями своих будущих произведений. Но возникали вопросы, на многие из которых летчики не могли дать ответа. С этими вопросами я и пришла к Владимиру Александровичу.

— Сознаться, вам самому хотелось летать? — спросила я в одном из первых наших разговоров. — Попав в полк, небось, заболели небом и отчаянно завидовали летчикам?

— Я их жалел... — и, заметив удивление на моем лице, Владимир Александрович пояснил: — Посудите сами, техника новая, реактивная — «МиГ-15», «МиГ-17». Скорости под тысячу, высоты для того времени большие, перегрузки длительные. В кабине приборов напич-

кано, кое-что требует доводки... Выполнение полетного задания в частях ПВО — это в основном перехваты воздушных целей, зачастую в сложных метеоусловиях. Все требует от летчика концентрации внимания, физических и моральных сил, не говоря уже о тех случаях, когда приборы или техника отказывают... Первое время я поражался: сильные, смелые мужики, а ведут себя — как дети. На предполетном осмотре хитрят — лишь бы от полетов не отстранил. Медиков не любят, боятся. Болезни, поначалу вполне излечимые, скрывают: ведь списание с летной работы для них — это не только потеря престижной профессии. Любовь к небу, потребность полетов — явление не просто романтическое, а глубоко нравственное, социальное, осмысленное и целенаправленное. Для летчика летать — значит жить.

— Как же вам удалось пробить стену недоверия?

— Точнее, растопить... Я обратился к командующему, объяснил суть дела и попросил разрешения летать с летчиками на «спарке». Вы же сами знаете, что это единственный путь...

Это определило всю дальнейшую судьбу молодого, дотошного и незаурядного доктора, сумевшего превратить обычные полеты в исследовательские. Изучение параметров жизнедеятельности организма на примитивной, самодельной аппаратуре и психологические наблюдения дали настолько интересные результаты, что с ними не стыдно было торкнуться в ученый мир.

Отношения резко изменились: летчики умеют уважать и ценить стойкость. И взаимопонимание пришло. Даже командиры признали его право голоса. А летчики делились с доктором своими неурядицами в небе, но боялись признаться в иллюзиях, которые иногда возникают в облаках, особенно в ночных полетах. Но скрывали недомогание, страхи и то, что недопоняли, недоосмыслили сами. Это из разряда «показалось», «сообразить не успел», «интуиция подвела» — то, что не поддается замору никакими приборами, что не имели тогда четких научных определений. Но врач полка, сделавшись таким же «небожителем», обязан был понять психологические особенности каждого полета и дать совет.

Владимир Александрович извлек из ящика стола объемистую папку. На корочке небесного цвета надпись тушью: «Думы авиационного врача». Странички поблекшего машинописного текста, пожелтевшие; вырезки из газет, более новые — из журналов.

— Будет время, почитайте. Недавно просматривал и сделал краткие комментарии. Любопытно получилось.

«**Доверие и права авиационному врачу**» (старший врач полка, старший лейтенант Пономаренко, 1950 г, город Грозный). В конце небольшой статьи приписка от руки: «Опубликовали в газете «Советская авиация». Статья вызвала резкое недовольство моего начальства. Меня пытались наказать за... поклеп, но потом из-за молодости пожалели».

«**К вопросу о составлении медицинских характеристик на летный состав**». В 1961 г. отказались опубликовать в журналах «Военная медицина» и «Вестнике воздушного флота», но охотно напечатали в 1969 г. в Спецборнике. Еще несколько статей с припиской автора: «Отказали... Теперь я вижу, что по делу, но тогда...»

«**Причины симуляции и дисимуляции среди летного состава**», 1961 г Комментарий к статье: «За эту рукопись мне досталось... ее не только не напечатали, но еще и высыпали».

«**Предполетный режим — это здоровое завтра**», 1962 г. К статье приписка: «Это моя первая публикация в московском журнале «Вестник ПВО». Чудно ее читать — наука началась со слов: «В столовой было шумно и аппетитно...»

Большие материалы в газете «На страже» Бакинского округа ПВО — «У всякой ошибки есть причина» и «Летчик допустил ошибку в полете. Что делает врач?». Даже не верится, что писал эскулап, а не опытный летчик, настолько глубок анализ того, что происходит в небе. Уже в то время появляется в размышлениях молодого врача психологический феномен, которому позже будет дано название «человеческий фактор». Спустя годы это понятие войдет в учебные пособия, зазвучит в протоколах комиссий и будет использовано как методология

при расследовании летных происшествий. Благодаря этой концепции станут понятнее причины ошибочных действий летчика, которые, по сути, были не его виной, а трагическим несоответствием требований техники и возможностей человека.

Немного странное и такое привычное сейчас словосочетание: «образ полета»... Как гармонично вписалось оно в понятия инженерной психологии, предъявив новые требования к системам отображения пилотажно-навигационной информации; как естественно реализовалось в практике летного обучения и с легкостью прижилось в лексиконе инструкторов и курсантов училищ; как охотно было принято опытными летчиками. Они на практике знали: неосознанно в небе создается именно образ — визуальное, мысленное, тактильное представление полета. Когда невозможно расчленишь то, что происходит с тобой и с машиной, когда контакт — полный или частичный — своего Я с самолетом, с Небом, с тем, что в целом и составляет данный полет, служит основой для последующих полетов. Понимал ли значимость своего открытия, лежащего как на ладони, вроде бы на виду у всех, но не осознанного конкретно еще никем, неугомонный полковой доктор, когда писал статью «Не заучивать, а осмысливать» или вместе с летчиком, капитаном А. Молчановым статью «Когда летчики переучиваются...», где речь шла о «МиГ-е-19» — первом сверхзвуковом истребителе? Делясь мыслями и практическими советами, уже оперируя новым понятием, но еще не дав ему название, авторы статьи делали упор на другой, не менее важной теме: «Переучивание — это творческий процесс, в котором обязательно должны участвовать командир, ВРАЧ, инженер». Это требование на страницах печати так уверенно прозвучало, возможно, впервые.

«Врач и предварительная подготовка», «К вопросу изучения ошибочных действий летчика», «Авиационный врач и безопасность полетов», «Какой авиационный врач нужен командиру?» — тему выдвигала сама жизнь. Затронутая капитаном медицинской службы в 60-е гг., но не получившая тогда должного отклика и поддержки, тема о месте, правах и обязанностях врача в делах летных упорно развивается на страницах военно-медицинских и авиационных журналов уже полковником Пономаренко. Он начинает дискуссию «Авиационный врач или психолог летного труда?» с высокими медицинскими и авиационными начальниками, от которых зависела судьба отечественной авиации. Ученый доказывает: «...медицинское обеспечение должно быть направлено на сохранение работоспособности летчика, а психофизиологическое — собственно на надежность всей системы «летчик — самолет — среда», настаивает: «Нужно введение психологической службы в авиации». То, что стало очевидным сегодня, пробивалось с боями не один десяток лет.

... Конец восьмидесятых. Генерал-майор медицинской службы Пономаренко назначен начальником НИИ авиационной и космической медицины. Сюда он пришел, имея хотя и негромкий, но уже собственный голос. Этот голос был услышан теми, кто знал остроту наболевших в летном деле проблем и пытался решить их; кто четко видел перспективы и трудности рождения самолетов четвертого поколения и космических аппаратов; кто понимал: нельзя подгонять человека к машине, нельзя забывать не только о его физиологических ограничениях, но и о психических возможностях. Ведь полеты происходят в среде, где действуют необычные, неземные законы. И не прощаются ошибки, и за малые погрешности одних большой бедой расплачиваются другие... Не только умом, а всей душой выстрадав свое жизненное и профессиональное кредо, Владимир Александрович старался утвердить его в институте.

Как всегда, явные и скрытые оппоненты то «вводили» отказы в налаженном механизме аэрокосмического исследовательского «корабля», то тормозили, пытаясь сорвать «полет» по намеченному маршруту. Но единомышленников было больше. И ученики рядом: тридцать кандидатов наук, десять профессоров специалистов в области психологии, эргономики, биологии, медицины, системотехники и информатики — армия последователей. И хотя она

рассредоточена по авиационным институтам, училищам и полкам, разве это не духовная сила, не профессиональная мощь? Она творила, жизнеутверждала...

И никто не знал, что грядут «крутые» времена: политические события встряхнут страну, и одряхлевшие стены прежнего строя развалятся, погребая под обломками вместе с мусором плодородную научную ниву и неокрепшие ростки новых, бесценных научных и культурных всходов.

Рухнувшие основы старой экономики пошатнут нравственные устои, и понятия «белое» — «черное» поменяются местами. Почва, как в момент прыжка, начнет ускользать из-под ног. Но то окажется не взлетом, а затянувшимся падением в непредсказуемое.

Все это будет потом... А пока проездом через Москву я возвращалась из командировок, один вечер проводила в кабинете, под золотисто-голубым флагом. Здесь всегда царил дух авиации, здесь добровольный отчет мой о поездке в часть с нетерпением ждали, и полеты словно продолжились.

Как много дали мне эти встречи! Именно тогда я поняла: душевный комфорт возникает не от того, насколько гладко и убедительно старается говорить собеседник, а как он умеет... слушать.

Но вот я выдыхаюсь, и Владимир Александрович начинает говорить. Для начала интригует интересной темой: в Армавирском летном училище его отделом внедряется новая методика обучения курсантов по «опорным точкам». Заметив, что «зацепило», переходит на обсуждение того, что я поведала: заостряет внимание на деталях, необычно трактует их, подводя психологическую базу. С грубоватой прямоотой, без скидок на чувствительность «слабого пола», указывает на просчеты, мимоходом проверяет на прочность меня как писателя, коснувшегося заповедной темы. Незаметно, исподволь он воспитывает во мне упорство и верность делу, которому сам посвятил жизнь. Ученый знает, как хрупок, хотя внешне и несокрушим, материал, с которым мы работаем, — духовный мир летчика. Творим каждый по-своему, в меру специфики и степени с моих способностей, стараясь показать неординарность Небожителей.

Владимир Александрович рассказывает об испытаниях, которых знает давно, а с некоторыми летал на тяжелых машинах, изучая действия летчика в аварийной ситуации, искусственно создавая ее и делая научные выводы для практических рекомендаций

Так родился очерк «Режим — предельный». Авиация повернулась во мне новой, неожиданной острой гранью. Небо высветило дальние горизонты и высоты «малого космоса», Земля подарила счастье общения с удивительными людьми. Героическое и трагическое сомкнулись, и новым содержанием наполнилось мое представление о научно обоснованной и проверенной экспериментально Владимиром Александровичем методике «сопряжения человека-оператора с автоматическими системами управления».

Эксперименты в полете, преднамеренное введение отказов техники, наблюдение за действиями летчика, его реакцией — две трети таких испытательных полетов ученый провел на борту самолета лично. Позже, в одном из писем ко мне, он напишет:

«... И до сих пор, спустя пятнадцать — двадцать лет, когда я смотрю на таблицы и графики, я летаю, я чувствую тех, чьей жизнью рисковал. Этот запах риска в помеси с добродетельной сверхзадачей уйдет со мной и в Небеса, далеко за рамки стратосферы...»

Позже беседы с Владимиром Александровичем перетекали в переписку.

Письма — сама жизнь, но не тела, а души. Они несут эмоциональный заряд даже больший, чем разговор, потому что в них что-то от дневниковой исповеди. Душа доверчиво распахивается навстречу. Боль снимается болью, радость приумножается радостью, но... с досадным опозданием во времени.

Когда возраст неумолимо ссадил с неба на землю, я вплотную занялась откровением религий — духовными знаниями, скрытыми от нас на долгое время жесткими запретами. Наслаждаясь в потоке древней мудрости, я взахлеб делилась в письмах своими открытиями и

фантазиями о природе предчувствий, суеверий, привычек летчиков. Владимир Александрович выражал свои мысли сдержанно и с... тактом:

«... Конечно, мне приятно, что Ваша мысль начала омываться волнами подсознательного и дает чудесный куст новых идей. Еще более приятно оттого, что именно эти идеи посещают меня вот уже с... 1958 года, когда я написал статью о дисимуляции как психологической проблеме, где уделял внимание проблеме бессознательного. Но, увы, дальше дело не пошло: не было у общества потребности в этой теме, не было переводной литературы и отечественной. Это... табу для летчика. Лишь в этом году мне удалось открыть тему по пограничным психическим состояниям у летного состава... Что же касается существа проблемы подсознательного, бессознательного, то...»

Краткий экскурс в суть вопроса, и я со стыдом понимаю, что делюсь своими идеями с ученым, который давно уже ввел в авиационную психологию термин «неинструментальная информация», что и есть, по сути, «начало проблемы бессознательного, в определенной степени, безусловно-рефлекторного».

И неожиданное, грустное признание:

«... Сейчас я снова ушел и сторону — занимаюсь профессиональным здоровьем, компьютеризацией, педагогикой — теория, теория... Чтобы я жил как ученый, мне нужен эксперимент, тогда я создаю замысел, т. е. творю, а сейчас философствую на мелком месте, ибо философия — это раздумья из глубины спокойствия, а какое спокойствие у начальника?..»

Начало девяностых годов... Страна напоминает самолет, попавший в чужую спутную струю и сорвавшийся в штопор, а высоты для вывода нет... Нарушен привычный ход времени, скомканы планы, перепутались дороги, сменились ценности. Одни оплакивали гибель мощного, но неманевренного «лайнера», другие торопились растащить обломки его, третьи с надеждой поглядывали за пределы «летного поля»... Генерал-майор Пономаренко остался верен себе:

13.10.91 *«...Путч мы (институт), естественно, отвергли. Сегодня — «туман», липкий, мелкий, едкий. Чувственная масса растворяет интеллект и даже здравый смысл. Воздух сознания не в состоянии поглотить вулканическое извержение серы и газа. Придется ожидать, пока осядет это, уже историческое временное измерение. Его социальным нетерпением не перекроешь. Россия — в проигрыше, это тоже судьба славянства, так как христианство не размыло до конца корни язычества как исторического поведения людских масс... В оперативном времени мы уже не нужны, так как ушло наше пространство как физической, так и духовной реальности. Мы действительно живем в другой стране. Нас еще спасает маленький оазис, по Вашему образному выражению — Страна Авиация. Так что духом не падаем, добро от зла в христианском смысле еще отличить умеем и, более того, способны создавать и дарить Добро. Не пропадем...»*

14.01.93 *«...Высылаю последний свой труд («Авиационная психология»), больше как авиационный врач-психолог писать не буду... Задумал книжку «Есть ли Бог в душе летчика?». Не знаю, когда сумею написать, но цель такую поставил.*

У меня сейчас пока еще переходное состояние... вытурили из ВВС и отобрали институт помимо моей воли, когда я был в отпуске, под видом возраста. Сейчас оформляюсь на гражданку... Картина мрачная, но, в принципе, убрали за дело: я не согласился с доктриной Грачева — Дейнекина на авиацию и был в оппозиции к разгрому авиации.

В 1992 г. налет в войсках не превышал... 10-12 часов! Испытатели летают только по коммерческим заданиям. Училища уничтожают, особенно достается истребительным. Я написал семь статей — ни одна газет не опубликовала, а личные (командирские) письма руководству были восприняты как агрессия консервативных сил. Вот так из диссидентов КПСС я превратился в консерватора для демократов. Жалко не маня, жаль авиацию...»

Вот так, набрав Высоту, с которой можно обозревать Просторы земные, небесные и творить с великой пользой для космонавтики и авиации, для обороноспособности страны, ав-

тор двух с половиной сотен научных трудов, более десятка монографий, тридцати учебных пособий, обучающих компьютерных программ и кинофильмов, доктор медицинских наук, академик Российской академии образования, Международной Академии наук, Академии авиации и космонавтики Украины, лауреат Государственной премии СМ СССР оказался не у дел на борту терпящего бедствие «лайнера».

Конечно, можно «катапультироваться», как начали делать многие, и совершить на «парашюте» своей профессиональной известности мягкую посадку в какой-нибудь благополучной стране — специалисту с мировым именем нашлось бы там место: ведь небо одно, а проблемы авиационные нескончаемы... Но разве можно завершить полет своей жизни на чужом аэродроме?

Юбилей — 60 лет — Владимир Александрович отметил в кругу сотрудников и друзей. Было много летчиков, космонавтов. Из Главного штаба ВВС никто не пришел.

Предложение возглавить институт в Академии педагогических наук ученый отверг без колебаний: нельзя бросать авиацию, да еще в лихолетье! Остался на родном институте на должности главного научного сотрудника. Методическая работа, лекции, консультации, шесть старых научных тем — работы хватает. Но гложет мысль: «Придется уходить: внутри себя плохо приживаюсь». Единственная отдушина — командировки в летные части.

21.02.93 «... Сегодня возвратился из Сталинграда, был в Каче. Возил туда космонавта Берегового и писателя Маркушу, занимались с курсантами. Провели два круглых стола и вечера с ответами на вопросы... В наше время заставить четыре часа слушать, не закрывая рта, — это что-то значит. Летают курсанты мало, все время им говорят: «Перспектив не гарантируем, кто хочет — увольняйтесь...» Солдат осталось 40 человек из 800, в караул ходят офицеры и курсанты. А Грачев орет, что у нас все в порядке, сплошная профессиональная армия. Вновь ложь, цинизм. Более того, идет подкуп армии: лейтенанту платят мизер и ничего от него не требуют, ибо нет боевой подготовки...»

«... Написал пяток статей про реформы, про летчиков, про Дух и педагогику, и нигде не опубликовали. А печататься в «Дне» не хочется... Мне предложили одно место в парламентской комиссии. Я посмотрел — не для меня: нет созидательной идеи, одна конфронтация. К отшельничеству еще не готов, ибо боюсь: если погружусь в себя, могу там найти очень мало... Не хочу себя переоценивать. Мне кажется, что спешил все сеять и не всегда спелые зерна, в себе мало оставлял. А сейчас, когда остался один, семян ведь тоже мало со мной осталось... Была пьеса «Все остается людям», а у меня — «Все отдано людям». Конечно, можно возвернуть, но обида и боль воспоминаний размывают цель. Надеюсь, это пройдет... Вы пронципательно заметили, что вновь задуманная мной книга — это уже другой Берег. Да вот ведь незадача — я плохой пловец...»

В доверчивом откровении привычный анализ, но уже себя в ситуации не летного, а земного ЧП, из которого не просто найти выход.

«... Мне сейчас надо заниматься не профессиограммой летного труда, а Пространством и Временем, как каналами духовных связей, ибо Пространство для летчика приобретает личностный смысл, а Время — это измерение духовного роста и глубины интеллекта. Это новое видение надо же доказать... Единственно, что продумал, эпиграф: «Не Землю един человек». Надо заново разрабатывать проблему Вселенского сознания и Планетарного мышления, как энергетику гуманистического ядра Личности человека летающего. Охо-хо-хо, нашему бы теляти...»

Но проходит не больше года, и почтальон приносит мне бандероль. Это рукопись заключительной главы новой книги Владимира Александровича с очень емким названием «Страна Авиация — белое и черное». Глава, ставшая, как мне кажется, чем-то вроде моста, соединившего два Берега. На одном — все было для Летчика: о научном сопровождении при разработке авиатехники, о профилактике ошибочных действий и профессиональной подго-

товке, о достоинстве в небе — кладезь знаний психолога, посвятившего небожителям две трети своей жизни.

Новый Берег мыслителя распахивал перед летчиками их самих, помогая понять собственный духовный мир и нравственные ценности, побудительные мотивы и высший смысл деятельности в Небе. Эта завершающая книгу глава «Есть ли Бог в душе летчика» — не просто философские раздумья о сути летной деятельности, о «белом и черном» Страны Авиация. Это опыт общения и пережитого в годы достойного труда и в лихолетье, которое незаслуженно смяло одних, преступно вознесло других и лишь высоконравственным и мудрым дало пищу для творческого переосмысления Жизни, для духовных открытий.

...В чем суть Личности истинного психолога — как человека? Наверное, прежде всего в том, что можно раскрываться «до доньшка», не опасаясь быть не понятой. На мои робкие рассуждения о природе «второго Я» у летчиков и вопрос, почему в своем труде ученый мало внимания уделяет этой теме, Владимир Александрович отвечает откровенно:

11. 07. 94. «... Эта категория давно и более успешно, чем в религии, обрабатывается в психологии. Я не стал ее раскрывать, ибо меня все время сдерживает право влезать в чужие души. В принципе, я мог бы показать это на болезнях летчиков (невропатах, истериках и пр.), но этого не только этика, но и моя профессия не велит».

Ученому-реалисту, жизнь прожившему и творившему в атеистической стране, невозможно быстро и безоговорочно, как сделали это политики, переключиться на иное понимание Бога и Вселенной, жизни и смерти. Но существуют труды великих мыслителей...

«... Да, Вы правы — я кое-чего начитался, но не вырос, ибо не привык стоять на ком-то, а рос сам за счет впитанного. Здесь этого не произошло, и я не думаю, что от слабого усердия. Пицца не моя, отторглось все... Обидно, что Бог не пустил к себе на встречу меня — телесно-живого».

Тонкий, то едва уловимый, то пронзительно яркий мир чужой Души проецируется в сознании другого человека гаммой разноокрашенных чувств-энергий. Их ощущаешь не умом, не сердцем, а чем-то более совершенным, пока не обозначенным на языке землян, но, без сомнения, существующим. И кажутся странно своими начертанные Владимиром Александровичем слова:

24.11.94. «... Я при написании последней рукописи («Психология духовности профессионала»), раздела о структуре и содержании духовного в профессии летчика, вдруг почувствовал отчуждение слов от языка. Рука остановилась, мысль «пустела», в душе становилось холодно и беспокойно. Я понял, что кто-то мне не разрешает идти вглубь. С материалистической точки зрения это буйство рефлексивного сознания. Где-то далеко во мне запрячено чувство своей греховности и недостаточности помысла надеть вериги святости. Нужно не просто время и наличие бумаги, нужно серьезное очищение, чтобы иметь право, силы и провидение к написанию о смысле Духовного. Вы тысячу раз правы: нужна другая семантика слова, другая патетика, склад мысли другой. Естественно, я не готов. Но поскольку меня эта проблема заинтересовала как научного сотрудника, а не верующего, то я се и пытаюсь в новой рукописи решить логикой «ученого мужа». Без истинного откровения и духа Божьего пока это не удалось. Может быть, не обязательно через себя, но и через осознание внутреннего мира других? Возможно, сработает резонанс, легче будет продвигаться вперед. Доказательство дистантности духа, трансцендентности мысли, чувств земного человека — это, поверьте, не так уж мало... Да, я где-то становлюсь в позу Настоятеля, но это пастырь знаний, а не Духовного исключает этот путь как продуктивный в науке. Моя главная беда, что обалдело пытался Дух «приземлить», о материализовать, накинуть на него информационную узду. Это грех! Грех гордыни стать рядом с Духом. Но это исправимо, достаточно сменить установку: с «достижения Истины» на установку «служить Истине», и грех маленько поубавится».

«...И раньше, и сегодня творчество летчика в воздухе подавлялось, мотивируя нормативностью летного труда. Моя задача — показать роль Духа как субъективно-объективной реальности творческого озарения Лица летающего. Дух выступает как информативно-энергетическая суть процесса непрерывности «есть» и «быть», процесса сочетания целостности сущего в человеке. Не ломайте человека, не укрывайте его землей раньше времени!..»

Не ломайте Человека! А жизнь за стенами кабинета безжалостно ломала его и другие судьбы, события в стране опережали самые мрачные прогнозы.

24.12.94. *«... Обстановка в авиации — уничтожающая. Люди почти сдались. Дай Бог, чтобы наши книги подняли Дух чести и достоинства...»*

«... Американцы меня вновь приглашают к себе, для начала — читать лекции. Но охоты нет. ЮАР просит опубликовать мои статьи в авиационном журнале. Им я написал пару статей по психологии личности летчика. Нынешнему руководству Министерства обороны, ВВС я не нужен, пытаются даже из института выпереть. От тени вздрагивают. Требуется юмор, с ним легче все переносить... Возможно, будет еще признание той правды, от которой сегодня всех тошнит».

«... А ведь люд-то во многом духовен, и он слышит, чувствует разломы жизни, разливы смятений, потухающий закат. Поэтому и ждет искры, тепла, сочувствия, обновленной надежды. Это может дать только образ и воображение. Человек возрождается в Добре и улыбке... Нужны идеалы, иначе деньги погубят мир... Как жаль, что Вы сейчас не пишете. Я опираюсь на Ваш Дух, но надо в земной жизни и плечо, Голос! Все и всех обслуживают долларами, осталось Небо. Кто оградит его? Очень нужны люди, чья цель в жизни была, есть и будет думать и творить Божий завет: человек утвердится в человеческом. Ум — это Ваше наказание, и он с Вами вечно. Дух же, помимо прочего, — это энергия и информация в Пространстве и во Времени. Наше с Вами Пространство — это преддверие Духа... В слове Вашем нуждаются, пусть неосознанно, но нуждаются. Разве это не подвиг: вытеснить из подсознания Добро, дать человеку вместо посоха — жезл Жизни, миротворящей и созидательной...»

Настойчивый, неоднократный призыв-упрек был так убедителен, что я вновь и вновь хваталась за перо, но «взлететь» не удавалось.

Письма от летчиков уже не приходят: те, с кем летала, вышли на пенсию или потерялись за новорожденными границами; курсанты, о которых писала в очерках, едва оперившись в боевых полках, были безжалостно списаны на «гражданку» и сникли. Информационное поле съезжилось, иссяк чистый и светлый поток, питавший мозг и душу.

А Владимир Александрович работает — пишет статьи: одни публикуются, другие ложатся «в стол». Его книги выходят регулярно, почти через год, безгонорарные, с огромным трудом изданные за счет прижимистых спонсоров и личных средств, в ущерб тощему семейному бюджету. Работа помогает пережить мучительный период досады, бессилия, отчаяния.

Тяжелые, но не упаднические раздумья рождают мысли, какие вряд ли пришли бы на ум даже психологу в благополучный период жизни и результативной деятельности.

19.01.95. *«... Психологически, когда опускаешься на дно своей души, там пусто, тревожно, одиноко. Спасает лишь одно; в себе есть дух своих чувств, идей, есть смысл пережитого, есть, наконец, тебе близкие предметы, друзья, родные... Там есть тоже мир, только чистый, прозрачный — отсюда твоя неуютность, и ты снова вылетаешь в мир иероглифов, значений, мифов, легенд, лжи и фарисейства, в то, что называется «се-ля-ви»... Отсюда: жить в Духе, с Духом, для Духа требует пусть иллюзий, но в какой-то мере отчуждения от жизни брэнной. Это страшно, ибо в глубоком общении с духовной ипостасей не очень хочется возвращаться назад. Кстати, люди высокого интеллекта самые несчастные «наркоманы». Мы не научены, не переучены, не воспитаны от Духа брать преобразованное Добро. Мы, скорее, пытаемся при помощи Духа спрятаться от Зла. А вот наши с Вами любимые лет-*

чки чуть-чуть нарушают эту закономерность. Им, правда, помогает красота Вселенной, выступающей знаком Добра, так как творит их смысл небожительства...»

Тону в море мысленных посылов, светлых излучений и горечи скрытых слез — в энергетическом потоке, который дарят письма, написанные летящим, «закорючным» почерком, одолеть который можно лишь с ходу, чутко настроившись на ту же волну.

10.10.96. «... Сейчас заканчиваю книгу «Психология духовности профессионала». Первый раз пишу по заказу: я получил грант от Российского фонда фундаментальных исследований. Сроки поджимают, тороплюсь, нервничаю... Понимаю, что весьopus написан с перенасыщением, как всегда, эклектичен по форме, для чтения свободного мало пригоден. Никак не дается простота и ясность... Единственная радость — последний параграф книги. Там я анализирую ответы летчиков на мою «духовную» анкету. Боже, какие глубокие ответы, какая сила Откровения, какая глубина мысли! Нет, не подвели нас летчики, оказались достойны нашей праведной любви... Мне очень важно Ваше мнение-разбор. Не столько похвала или хула, сколько процесс рождения Вашей мысли и ее общение с моей. Я считываю не словесные тексты, а энергетику духовного вещества сердца, души и ума, опыта и откровения...»

А жизнь продолжает преподносить горькие сюрпризы:

9.06.97. «... Дела грустные, вновь обвал на армию. Наш институт лично Главком Дейнекин перечеркнул, и первый услужливо подал проект — все институты ВВС слить и один. Мы будем превращены в отдел или управление инженерной братии. Вся авиация — ВВС, ВМФ, армейская, пограничная, частично ГВФ, коммерческая — обслуживались институтом. Других таких защитных учреждений в России нет. Мое начальство практически сдалось с свинцом в груди, но без жажды мести... Началась эпоха перерождения. Это надолго, ибо, страшно сказать, загнил этнос. Ростки нового в перегное, среди червей и социальной тли. Люди превращаются в шакалов, гиен, им нужен другой воздух, бескислородный, т. е. видоизмененная ноосфера. Вот почему спасет нас Дух. Но его пришествие тоже ведь заслужить надо, да и душу подготовить...»

Но есть в череде пасмурных событий и светлые проблески. Книгу «Страна Авиация — белое и черное» обсуждали в Институте психологии, в Российской академии образования и выдвинули на премию. И еще состоялась поездка в Швецию, где Владимир Александрович выступал перед врачами и летчиками.

«Был триумф, но опять же из-за принципа: «Надо же, Россия соображает...»

Да, Россия соображает, но как по-разному трактуется сейчас в ней все. Для многих свобода личности означает: делай, что хочешь, хватай то, что приглянулось, говори, что вздумается, даже если это глупо и гадко... Затрагиваю в одном из писем этот затасканный в телеполемиках вопрос. Ответ Владимира Александровича, как всегда, своеобразен.

20.01.98. «... Свобода личности понятие слишком относительное, социально загрязненное. Скорее всего, свобода проявляет себя вне личности, т. е. социума. Обратите внимание: истинно свободен — вне земных забот. Что это означает? Скорее всего, что земное тяготение в рамках своего времени и пространства есть антисвобода, подмена Духа Силой! Сила и формирует властолюбие, гедонизм, некрофилию, радость инстинкта как высшую форму целесообразности. Но Дух, видимо, не может быть без своей подружки Души. Он ее влечет к свободе, где нет силы тяготения как принуждения, а есть эфир, т. е. возвышенное бестелесное, одухотворенное, легкое, радостное, «не от мира сего». У летчиков Вселенское сознание формирует помимо их основной воли «духовный инстинкт» к свободе. И когда он на секунду срабатывает, они уже в вечном стремлении к этому чуду. Чуду, которого нет на земле. Это ведь знак. Только вперед, только Выше...»

9.02.98. «... Важно, что ведет Дух и чем полна душа. Как идешь к Истине, зачем? Откуда все берется, особенно новый смысл в старовиденном? Вообще, если удастся вырисовать процесс сотворения Бога в душе, в уме, в сердце, было бы прекрасно. Правда, меня смущает

Библия: там все написано, но как просто, без вдохновения — стучите в дверь и достигнитеесь...»

«... Работаю над новой оперативной книжицей: помесь мысли, истерики и нудной науки. Ни стила, ни ума. Есть всплески и то в ночи, а рассветного ничего нет... Думаю, к июню рукопись будет готова — «в стол»... Но я не огорчаюсь, ибо этим живу, а иначе — конец».

6.07.98. *«... С огромным напряжением сил, эмоций и хлопот закончил книгу «Авиация. Человек. Дух». Издал в двухмесячный срок за счет Профсоюза летного состава плюс свои деньги — все, что имел. Вам первой отсылаю. В ней есть плагиат из старых своих книг, но обернутый в новые идеи, в новые объективные принципы. Есть, и это главное, о современной гибели Авиации в ее духовной ипостаси...»*

Есть в книге потрясающая по своей правдивости и глубине глава — «Доколе?». В основу ее положена научная справка, составленная ученым, о трагическом положении боевой авиации в условиях нашей социальной нестабильности. Справка была передана Главкому ВВС, тот ознакомил с ней Главкома ПВО, и... бумаги легли в сейф. Когда же положение в авиации стало стремительно ухудшаться, было решено показать ее министру обороны, но... того уже сняли. В виде статьи Владимир Александрович опубликовал материал в «Советской России». Никакой реакции... Позже ученый передал свою книгу в Думу представителям КПРФ и Комитету по обороне, заострив внимание на этой главе. Поблагодарили и... забыли, с какой целью брали.

А события нарастали с чудовищной быстротой, грозя обрушиться лавиной.

«... Авиацию ВВС и ПВО слили и сократили в четыре раза. Всех выпускников из училищ уволили. Учебную базу уменьшили в 20 раз! Педагогический состав уничтожен. В последние три месяца катастрофы на вертолетах, истребителях — утрата профессионализма при попытке блеснуть.

Великий Грех начался...

Пытаюсь организовать платный семинар для АОО авиапредприятий по «человеческому фактору» и безопасности полета от имени нашей Общественной Академии Человека в Аэрокосмических Системах. Разослали объявление-приглашение с программой семинара. Лекции будут читать лучшие профессора. Кинофильмы, обучение компьютерным технологиям, тестирование способностей плюс программный продукт по знаниям (банк данных) и пр. Разослали в 150 АОО — пока ни одного ответа. Я был на подобном семинаре, его проводили в Москве американцы (за доллары). Просто треп о биографии США. Но зал был полон. Эх, Россия любимая, умом не понять, но и верить все труднее и труднее...»

Но и в темной ночи бывают проблески, и лечит не время, а хорошие вести.

4.01.99. *«... Звонок Г. А. Седова: «Вы написали опупенную книгу «Авиация. Человек. Дух», неужели Вам за нее ничего не заплатили?...» Летчик Гражданской авиации В. Кононенко целые куски набрал на компьютере и заставляет летчиков читать в процессе тренажерной подготовки. В Белоруссии книгу ксерокопировали по главам и рассылали по полкам. Восемьдесят процентов тиража разошлось по ГА. Ни одной книги не приобрели ВВС. Книг сто я раздал в санаторные библиотеки, госпиталя, училища, приятелям, ветеранам».*

И в следующем письме, заключительным актом многосерийной трагедии:

«... Меня охватывает ипохондрия — раздражение от своего бессилия ВСТАТЬ и поднять с колен военную авиацию... Сегодня мне совсем худо: 25 февраля министр обороны подписал приказ о расформировании нашего института и передаче его в виде мифического центра в состав пехотного медицинского института, подчиняющегося тылу. Восемь месяцев борьбы... закончились траурно. Эта драма требует своего описания, но оставим для будущего. Одно скажу: ни Главком ВВС, ни один ветеран-начальник, ни строевые летчики и их командиры не заступились. Один Кочур — президент Ассоциации летного состава МГА писал, бомбил Ельцина, Примакова, Сергеева, Думу. В Думе нас поддерживали Бенов, Безбородое, Голов, Маслюков, Цой. Нас поддерживали Академия медицинских наук, маршал авиации

Е. Шапошников, генеральные конструкторы прославленных КБ, заслуженные летчики-испытатели. Но блат (пехота охмурила начальника Генштаба МО) оказался выше наркомата».

26 докторов и 110 кандидатов наук — высококлассных специалистов в аэрокосмических областях науки были переподчинены обычному институту, у которого всего 4 доктора и 11 кандидатов (9 из бывшего НИИ АКМ). У новоиспеченного отдела не было даже юридического лица: печати, права переписки, испытательного кредо...

«... все возродится? Нет! Ибо труп не оживает, оживает лишь Дух. Но Дух не входит во зло, вновь нужна новая Душа авиации. Мы не ч силах ее создать, но создавать для нас благоприятные условия обязаны. А они в мечтах, воображении, Идеале, в любви к летанию по Небу! Это все то, чем занимается Ваша любительская авиация, как Маленький Принц! Вот и получается: вновь надо идти в народ, искать пролетарием воздуха, солдат Истины и Правды, как пишет Маркуша. А я здесь слабак, слишком военизирован и только душой чую: дом надо начинать с фундамента — нравственных побуждений к самосовершенствованию себя как Личности. В преодолении пресмыкающегося начала с помощью хоть метлы, лишь бы ЛЕТАЛА...»

«... Вы корректно упрекаете, что в книге я лишь констатировал пагубность психологии коммерции чартерных рейсов, не вникнув в психологию протеста человека летающего. Вы правы как художник, но я, как общающийся с этими людьми, пока не уловил действительного импульса драмы души. Отсюда моя боязнь стать на тропу исследования рефлексивного сознания (борьба Я — второго Я), а вдруг там ничего этого нет? Есть храп покорности и убегающая спина, толкаемая обстоятельствами... Этому негативу я не хочу давать свободу, пока не созрею до более высокого уровня мудрости, чем прагматическое понимание трудностей: дети хлеба просят. Есть более серьезное возражение: дети должны видеть отца живым!

... Духовные врата Авиации треснули не под напором врага, а от собственной ржавчины Души. Вот в чем Драма! Социум жизни оказался выше социума Духа, стало быть, надо изменить паскудно-греховный пласт жизни вместе с «мхом». Все: отбор, воспитание, карьера, награждения, перспектива будущего — все создавало пресмыкателя-органчика. А ложная, помпезная, казенная одежда нравственности слетела, и внутри — жалко вибрирующая гниль от ложной, паскудной чуши. Вот такая тяжелая, убийственная правда. Конечно, не все заслуживают такой оценки, но от этого не легче... Я не специалист по осушению «болот», но готов трудиться, чтобы снять их как нарост Земли. Жестко, нет — твердо...»

«... Вы тысячу раз правы, формулируя гипотезу: выпускники училищ, так и не ставшие летчиками и списанные на землю, — какой отрицательный духовный заряд они внесут в общество из-за несостоявшейся судьбы! Все это для меня маркеры новых путей и формы обобщения социальной драмы авиации. В том числе и задача построения духовного аэродрома для выпавших из жизненной ВПП».

9.02.99. *«... Сегодня я усталый и пустой. Вместо письма посылаю свою статью («Лавочная авиация»). Это ведь Ваш давний заказ... К статье был эпиграф: «Авиация может быть малой, но мелочной — никогда». Редакция его убрала, но больше ни одного слова не изменили. Лишь название. Мое было: «Философия лавочной авиации и угроза безопасности полета».*

Статья, опубликованная в двух номерах «Советской России», взбудоражила общественность. На многих авиазаводах и в авиаотрядах ее даже вывесили в рамочках. Статью раздали в Думе и Совете Федерации, так как шло голосование по поводу увеличения пенсий для летчиков. Обоснование ключевых положений о здоровье летчиков было взято из книги Владимира Александровича. Первое чтение прошло много раньше и успешно, но Президент наложил вето. Теперь вето было преодолено — пенсию повысили в четыре раза.

25.04.99. *«... В эти дни, как не стыдно и гадко, вынужден лететь в США, ибо на их территории конгресс, где я избран председательствовать на каком-то форуме. Две фирмы од-*

новременно просят оценить их эксперименты с АГД. История... А Югославия горит и жжет душу...»

«... Мы добились лицензии на создание Учебного центра по дополнительному высшему образованию (авиационная психология, эргономика). Уговариваю МГА ввести сертификат для повышения квалификации по «человеческому фактору». Идут переговоры трудно и лениво. Наконец я понял, что такое атеизм — отсутствие личности, ибо человек, созданный по воле Бога, сам есть Личность. Безверие выпотрашивает личность, остается одна оболочка из конъюнктуры социума».

25.02.00. «... Читаю лекции, выступаю оппонентом, бываю в командировках. Был в Минске на конференции педагогов по теме охраны здоровья студентов. Выступал на пленарном заседании. Хвалили, даже расхваливали, а мне тоскливо, неуютно... Недавно был в Липецке, встретили с восторгом. Выступал на телевидении. Летчики подарили пару отлично заполненных анкет... Почти не летают: нет керосина...»

25.06.00. «... Сейчас я очень занят новой борьбой... ЦНИАГ (Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь) хотят разогнать и отдать Минюсту, т. е. для ВОХРА. Теперь еще претендует налоговая полиция, таможня и прочие. И вот бегом по Думе, по маршалам, пишу письма Путину и т. д. Вообще весело живем...»

4.02.01. «... Очень познавательно съездил в США в морские ВВС на учения Центра. Отлично готовятся к войне, не скрывая. Эксплуатируют всех нещадно. В каждом центре (я их семь посетил) работают китайцы, японцы, шведы, немцы, поляки, англичане, югославы. Исключительно налажена система интеграции усилий многопрофильность изделий. Скажем, спецснаряжение со встроенными медицинскими датчиками, ЭВМ, спутниковой навигацией делают для всех: летчиков, моряков, морской пехоты, только программный продукт разный. То же самое с нашлемными визирами, снаряжением службы спасения».

«... Высылаю Вам книгу «Созидательная психология». Этот сборник моих трудов выпустила Академия образования... Сейчас работаю над книгой для врачей. Получается пока злая, вне жанра, скулезная, рычащая. Не нравится...»

«... На моих семинарах с летчиками-испытателями (раз в три месяца) бывают В. Селиванов, В. Горбунов, В. Андреев, Г. Седов, А. Маркуша, В. Овчаров, В. Цуварев и др. Вас помнят, ценят».

03.04.01. «Сейчас заканчиваю рукопись «Размышление о здоровье». В основном это исповедь социолога... Книга летчикам о врачах, врачам о летчиках, читателям об утраченных иллюзиях, но не Вере. К большому огорчению, о Вере все у меня держится на патетике, нет связи с Провидением. Вера у меня получается интеллектуальная, а это ведь не родовая ее черта. Поэтому я лишь могу секундно эмоционально порадовать, сблизить душами, а ведь желательно убедить...»

Убедить, по сути, в том, что, казалось бы, и так очевидно: здоровье летчика — это залог его жизни, здоровье нации — судьба страны. Но все ли это понимают?.. Книга получилась необычная: приземленная и возвышенная. Очень честная.

15.09.01. «... Один день был в Жуковском (первый день... с Путиным). Вечером встретился с летчиками-испытателями... Конечно, мое сердце радовалось, и кожа покрывалась прырышками от переживания гордости за летчиков в Небе города Жуковского. И вместе с тем это не небо Родины и даже не небо Страны Авиация. Это было небо торговли, ярмарки, а летчики показывали товар для продажи. И вся атмосфера была базарная, на всем огромном аэродроме торговались. Много, что летало, — это штучные экземпляры для продажи (реклама) за кордон. Ничего этого нет в нашей родной авиации. И летали уже почти не наши летчики (в прежнем образе), а «волонтеры-хоккеисты». Мне стыдно это писать и очень больно. Я не хотел Вас расстраивать, но как художнику, писателю обязан сказать правду».

«... Работаю над фильмом об этике, эстетике и культуре в Авиации. Создаю альбом «Мир нерукотворный красоты», где представлены фотосъемки неба, светил, пространства.

Земли... что видит человек, включенный в третье измерение, и бесконечность. Денег нет, но я клянчу, уговариваю. Истратил все свои резервы, даже за счет покупки лекарств. Но не жалею, нет. Констатирую факт, не всегда понимаемый даже моей Валюшей.

Общая ситуация хреновая. Институт гибнет... Я занимаюсь Просвещением, консультирую расследователей летных происшествий. Иногда езжу в войска... Выступаю на телевидении и по радио. Пугаю руководство...»

«Пугаю», — слабо сказано. Для Научно-исследовательского испытательного центра авиационной и космической медицины ученый служит чем-то сродни катализатору, ускоряющему темпы движения вяло протекающей жизни «обескровленной», а потому обессилившей науки.

Но надежда не умирает. Сквозь белесый туман просматривается путь к возрождению нашей страны, и усиленное внимание ученого к проблемам медицины, образования, просвещения — всё с дальним прицелом.

На малышню, пацанов — юную поросль пристальный взгляд. В здоровом теле должен поселиться чистый Дух, и распахнутые глаза во всем величии должны увидеть Небо. Сколько их — будущих Небожителей с божьей искрой летного таланта, с еще неосознанной мечтой бродит по земле без цели и высоких желаний! Так дайте же им возможность проверить и поверить в себя: верните планерные школы, авиаклубы, создайте колледжи, гимназии с авиационным уклоном, не сбрасывайте любительскую авиацию с ее малых высот, большим трудом завоеванных!

Конечно, не все станут летчиками, авиаторами, но Дух «небожительства», поселившийся в них, облагородит земные помыслы, определит гуманные цели.

«... Жизнь продолжается, свою биографию никому не отдам! Через два поколения, в 2050 году, поймут, почему мы были счастливы».

Хотела написать очерк по-юбилейному теплый, искренний, по возможности просто. Подняла свои старые записи, просмотрела вновь труды ученого. Неосторожно коснулась стопки писем Владимира Александровича, присланных мне, и поняла, насколько они ярче, мудрее, возвышенней и правдивее всего, что могу написать я или кто-нибудь другой об этом пламенном романтике и жестком реалисте, вдумчивом ученом и юноше в свои семьдесят лет — все гармонично уживается в этом Человеке.

Пытаясь создать целостный Образ, я с трепетом и благодарностью поняла, что мощный энергетический посыл его Души поддерживает всех Небожителей сникшей Страны Авиация, как держит в Небе монгольфьер горячий, спасительный воздух, позволяя плыть в свежем потоке. Лететь, несмотря на грозные вихри и каверзы погоды, двигаясь пока по воле приземных воздушных течений. Но стоит только набрать Высоту, и Небо, очистив наш Дух, подскажет правильный курс. И на Земле сквозь коросту меркантильности и пороков пробьются благородные всходы. Родина выйдет из смертельного «штопора», расправит Крылья, откроет божественные высоты не в заповедье космоса, не в «закордонном» воздушном пространстве, а в Душах своих мудрецов.

И Страна Авиация возродится в былой мощи и новом качестве, раз есть еще у нее надежные Сыновья...

Октябрь-декабрь 2002 г.